

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Орловой Юлианы Анатольевны

«Историософская повесть М.А. Алданова: проблематика,
образная система, мотивные ряды»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Обращение к философско-исторической прозе М.А. Алданова требует от исследователя умения ставить перед собой сложные идейно-эстетические задачи, требующие владения категориальным аппаратом не только литературоведения, но и смежных наук.

Диссертация Юлианы Анатольевны Орловой посвящена анализу повестей М. Алданова – жанра, не привлекавшего специального внимания отечественных исследователей в русле изучения художественно-философской концепции истории писателя-мыслителя. Автор работы стремится выявить «идейно-философское, образно-поэтическое и жанрово-стилевое своеобразие» (с. 26) произведений «средней» повествовательной формы, воспринимая данные тексты в качестве неотъемлемой составной части алдановского творчества. На материале пяти произведений 1920-х – 1930-х годов («Святая Елена, маленький остров», «Десятая симфония», «Бельведерский торс», «Пуншевая водка», «Могила воина») осмысляются формы репрезентации авторской рефлексии по вопросам возможностей и границ исторического познания, взаимоотношений личности и истории, смысла творчества и др., что подразумевает знакомство диссертанта с проблематикой и художественной спецификой прозы Алданова в целом, а также освоение работ предшественников как историко-литературного, так и теоретического характера.

Актуальность диссертации видится не только в обращении к малоисследованной части наследия писателя, но и в том, что избранный

аспект анализа позволяет раскрыть неразрывную взаимосвязь нарративных стратегий и концептуальных построений писателя и, тем самым, глубже проникнуть в художественный мир М. Алданова.

Научная новизна диссертации состоит в том, что Ю.А. Орлова выявляет, описывает и систематизирует основные повествовательные приемы, образы и мотивы в пяти повестях М.А. Алданова, обнаруживая единые принципы построения текстов «среднего» жанра и раскрывая их функции в воплощении авторской философско-исторической и этико-эстетической концепций, определяющих его творческую индивидуальность.

Оригинальность диссертации заключается в избранном подходе к изучению алдановских повестей и последовательной его реализации по отношению к каждому из рассматриваемых произведений.

Самостоятельный, личный вклад Ю.А. Орловой в исследуемую проблематику состоит в применении к анализируемым художественным текстам критериев описания историософского и исторического типов повествования, сформированных автором работы с опорой на современные научные подходы, в интерпретации повестей в данном ракурсе и классификации полученных результатов.

Характеристика структуры и содержания работы

Диссертация Ю.А. Орловой состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 187 наименований. Общий объем диссертации – 218 страниц.

Вынеся в название работы жанровую номинацию «историософская повесть» и поставив перед собой цель – «рассмотреть специфику художественной концепции отечественной и мировой истории в рамках историософской повести Алданова <...>, проследить механизмы создания и функционирования интерпретационных вариантов истории, предлагаемых писателем в повестях» (с. 26), автор исследования стремится во введении определить приоритетные для себя подходы к истолкованию сложного и многозначного понятия «историософия» в его соотнесенности с более

традиционными для исследователей отечественной литературы терминами «историзм» и «философия истории».

В современном научном знании на равных правах сосуществуют два принципиально отличающихся подхода к истолкованию предметного поля историософского дискурса: 1) восходящий к религиозно-философским (В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Зеньковский, Д. Мережковский, А. Белый и др.) исканиям конца XIX – начала XX вв. – в работах Л. Колобаевой, В. Полонского, Т. Дроновой, И. Черникова и др. и 2) генетически связанный с концепцией историософии, разработанной в трудах историка-позитивиста Н. Кареева и широко востребованный в современном гуманитарном знании (О. Русакова), в том числе филологическом – в исследованиях Л. Трубиной, Т. Бреевой, Т. Сорокиной и др.

Признавая, что термин «историософия» «имеет широко понимаемое значение» (с. 5), демонстрируя свое знакомство с характерными для современного литературоведения трактовками понятия, диссертант формирует свое представление, контаминируя идеи, репрезентирующие разные подходы, но, по сути, избирая для себя как наиболее продуктивный второй (по преимуществу изложенный в работах Т. Бреевой). В целом категория «историософии» трактуется Ю.А. Орловой предельно широко. Среди ведущих критериев историософского текста выделяются – доминирование авторской субъективной концепции, авторского «произвола», определяющих специфику художественных повествовательных стратегий, преобладание вымысла и домысла, универсализма, метаисторизма. При этом не учитывается характер философско-исторической концепции, а проблемное поле историософского дискурса вбирает вопросы творчества и другие аспекты этико-эстетической позиции писателя.

Думается, диссертационное исследование выиграло бы от более четкого проговаривания собственной методологической позиции и формулирования во введении рабочего определения ключевого понятия.

Избранный во введении путь объединения разнородных характеристик «историософского дискурса» в единую «конструкцию» приводит в ряде случаев к смешению разных и, более того, альтернативных исследовательских подходов.

Наиболее уязвимой для критики представляется предложенная во введении история изучения творчества М. Алданова. Автор диссертации не ставит перед собой задачу аналитического осмысления уже сделанного исследователями, демонстрируя знакомство с предшественниками по преимуществу на цитатном уровне, проявляя в ряде случаев недопустимую небрежность в атрибутировании приводимых точек зрения. Учтенный диссертантом круг современных научных трудов далеко не полон (удивляет наличие во введении в качестве концептуально значимых газетных публикаций и словарно-энциклопедических статей и отсутствие ряда серьезных исследований), однако необходимый для научно-квалификационной работы объем критических и литературоведческих источников Ю.А. Орловой освоен.

Аналитические главы диссертации являются самостоятельным целостным исследованием, свидетельствующим об умении автора работы тщательно, глубоко и тонко интерпретировать литературные произведения в избранном направлении, опираясь на современные методики изучения художественного текста. Предложенное Ю.А. Орловой в аналитических главах осмысление повестей М.А. Алданова имеет несомненный научный интерес для специалистов по творчеству писателя, его результаты представляются убедительными и достоверными. Данная часть диссертации отличается четкой композицией, обладает единой внутренней логикой изложения, которая подчинена основной цели исследования.

Последовательность рассмотрения произведений определяется хронологией их создания, а проблемное поле каждой повести «увязывается» с позицией биографического автора и его эмигрантской судьбой (на наш взгляд, несколько прямолинейно), но внутренняя структура каждой из

четырёх глав сориентирована на выявление системы взглядов «концептированного автора» (Б. Корман) через анализ нарративных стратегий писателя, будь то специфика философии истории в «Святой Елене, маленьком острове» (глава I), тема творчества в «Десятой симфонии» и «Бельведреском торсе» (глава II), философия счастья в «Пуншевой водке» (глава III), философия жизни и смерти в «Могиле воина» (глава IV).

В I главе «Специфика “философии истории” М. Алданова: повесть “Святая Елена, маленький остров”» через анализ композиции повествования убедительно раскрывается характерное для писателя-мыслителя недоверие к точности исторического знания, определяющее его гносеологическую позицию. Ю.А. Орлова обнаруживает, что «из 18 структурно выделенных глав повествования первая и последняя (I и XVIII) опосредованы образами вымышленных героев, тогда как исторические персоналии (Наполеон и русский посланник де Бальмен) погружены в глубь повествовательного пространства <...>» (с. 37). Тот факт, что открывается и завершается произведение о Наполеоне репрезентацией наивного сознания – детского (юной англичанки Сузи Джонсон) и мифологизированного («старого малайца» Тоби), трактуется Ю.А. Орловой как форма воплощения авторского понимания истории, являющейся «совокупностью слухов, не могущих быть подтвержденными ни сторонними наблюдателями, ни очевидцами или участниками исторических событий» (с. 44). Подробно выявляется автором работы повествовательная функция «среднего» человека – русского посланника де Бальмена – своеобразного двойника главного героя, играющего роль «великого человека», но являющегося, в отличие от Наполеона, не «деятелем», а «зрителем/наблюдателем». Достоверно представлено в работе концептуальное значение «скрытых» монологов Наполеона в репрезентации авторских историософских идей – роли случая в истории, истинности/неистинности исторического знания, преходящего характера земной славы и др.

Намечая вектор переосмысления «наполеоновского мифа» в повести М. Алданова, автор работы постоянно обращается к специфике соотношения прошлого и современности, конкретно-исторического и универсального и, тем самым, постигает характер сопряжения исторического и историософского дискурсов в структуре текста. Представляются аргументированными выводы диссертанта о значении первой повести писателя в «закладке» основ его последующего творчества – образных, тематических, стилевых, мотивных доминант последующих произведений автора.

При этом недостаточно убедительными, дискуссионными, с нашей точки зрения, являются реализующиеся в данной главе суждения о «мифологизме» мышления М. Алданова. Так, автор работы утверждает, что художник стремится «создать собственный современный миф о законах мироздания и их функционирования» (с. 34), что «конкретная история осмысливалась писателем <...> по сути как миф об истории <...>» (с. 68), что «субъективный мифологизм Алданова смыкается с массовым (мировым и национальным) мифологизмом ретроспективного повествования» (с. 69–70). Возникает вопрос: каково содержательное наполнение данного понятия в работе и в какой мере оно применимо к творчеству М.А. Алданова? Ведь речь идет о писателе, обладающем аналитичным, научным, мышлением; на протяжении всего творческого пути, начиная с философско-публицистической книги «Армагеддон» (1918), полемизировавшем с символистскими неомифологическими концепциями; для которого демифологизация человеческих представлений о прогрессе, смысле истории, посмертной славе и т.д. была одним из определяющих векторов художественно-философского мышления.

Во II главе «Тема творчества и "код гения" в повестях М. Алданова "Десятая симфония" и "Бельведерский торс"» анализ повествовательной роли персонажей сочетается с выявлением функции ведущих мотивов: мести, безумия, творчества, раскрывающихся по преимуществу на материале второй

повести. Представляется, что «Десятая симфония», в которой, по мнению Ю.А. Орловой, Алданов «только нащупывает подходы к теме творчества» (с. 90), а в структуре повествования оставляет «нестыковки и непрописанности» (с. 93), несколько недооценена исследователем. Продуктивным является наблюдение, к сожалению, не получившее развития в работе, о том, что посредством разных персонажей (Разумовский и Изабе) писателем вводятся противоположные мысли об искусстве: «В рамках повести Алданов словно спорит сам с собой, пытаясь найти истину <...>» (с. 88). Действительно, «Десятая симфония», создаваемая параллельно с трилогией «Ключ. Бегство. Пещера» (1928-1936), вбирает романский опыт «диалогизма» авторского мышления, одним из проявлений которого является включение в произведение на равных правах противоположных точек зрения, ни одна из которых не претендует на окончательную истину. Истина оказывается не только проблематичной, но и вбирающей крайности.

Интересным и убедительным является осмысление темы творца в повести «Бельведерский торс»: диссертант анализирует композиционные особенности произведения на уровне сюжетного действия («монтажный» принцип построения текста), раскрывает функции артефактов (древний торс, изваянный Аполлоном в I – II вв. до н.э., и фреска «Страшного суда» Микеланджело), выявляет формально-содержательное значение мотивной структуры, ее символический потенциал. Автор работы обращает внимание на «синтетический» характер произведения: мастерство психологического анализа Алданова в изображении персонажей (Аккольти, Вазари), по справедливому утверждению Ю.А. Орловой, сочетается с реализацией характерного для писателя историсофского ракурса через мотивы случая, суеты сует, недостоверности исторического знания, необъективности суда истории, недостижимости истины. Тонко раскрываются формы художественной репрезентации образа Микеланджело и особенности воплощаемой в повести авторской концепции гения. Важным моментом при рассмотрении повести является ее сопоставление с первым художественным

опытом писателя – повестью о Наполеоне – и внимание к возросшему мастерству в изображении персонажей в прозе писателя 1930-х годов. Следует отметить, что и в последующих главах диссертант выявляет связи (сходство и различие) между первой повестью и каждой из последующих.

В III главе, посвященной осмыслению повести «Пуншевая водка», наряду с анализом системы персонажей и сюжетной структуры, важную роль в выявлении историсофского дискурса играет художественное время и пространство. Привлекает стремление Ю.А. Орловой в формальных особенностях произведения неизменно обнаруживать их смысловой потенциал: «Автор сознательно смещает акценты, «рвет» линейность повествования, переходя от одной фабульной линии к другой, чтобы отрывочностью, намеренной фрагментарностью продемонстрировать хаотичность и индетерминированность событий и обстоятельств <...> актуализировать беспричинность и случайность всего происходящего в мире (и истории)» (с.137). Особый интерес вызывает предложенная диссертантом интерпретация авторского подзаголовка к повести – «сказка о всех пяти земных счастьях» – и осмысление диапазона истолкования мотива счастья на примере судеб разных персонажей, завершающееся попыткой формулирования авторской концепции счастья: «<...> счастье в самом желании счастья, в его поиске, в стремлении к нему» (с. 163).

В IV главе «Мотивный комплекс повести М. Алданова «Могила воина»: философия жизни и смерти», завершающей диссертационное исследование, акцент делается, как и во II главе, на анализе мотивного комплекса, неразрывно связанного с другими уровнями текста: системой персонажей (вымышленных и исторических), сюжетными стратегиями, структурой хронотопа, жанровым подзаголовком, названием произведения.

Раскрывая философский потенциал мотивов двойничества, сумасшествия, театра, карнавала и др., автор работы справедливо утверждает, что они получают в данном произведении большую разветвленность и широту, по сравнению с другими повестями. В то же

время анализ данной повести позволяет Ю.А. Орловой прийти к аргументированному выводу «о сложившейся структуре повествовательного дискурса Алданова, реализуемого на различном историческом материале, но с устойчивой последовательностью и постоянством» (с. 195).

Каждая аналитическая глава завершается подведением итогов проведенного исследования, что придает работе целостность и законченность, свидетельствует о научности мышления автора диссертации.

Заключение содержит выводы о константных приемах и философемах писателя, об инвариантном характере алдановских повестей и метатекстуальности романов и произведений «среднего» жанра.

Завершая рассмотрение диссертации Ю.А. Орловой, суммируем замечания, возникшие в процессе ее прочтения и осмысления:

1) Недостаточная прояснённость ведущих понятий («историософия», «мифологизация») сочетается в рецензируемом исследовании с избыточной терминологической усложненностью ряда формулировок.

2) В тексте диссертации имеются технические погрешности в оформлении работы с первоисточниками, исследованиями предшественников и в распределении отдельных источников по разделам в списке использованной литературы (например, часть переписки Алданова включена в I раздел «Произведения М.А. Алданова» (№№ 7, 11, 17), другие – во II раздел «Научно-критическая литература» (№№ 46, 116, 128); в то же время в I раздел без объяснения помещены тексты других авторов (№№ 4 – 6, 8–10, 12–16).

Отмеченные недостатки снижают качество исполнения работы, но не влияют на основные результаты проведенного исследования.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 10.01.01 – русская литература по следующим пунктам: п. 7 – биография и творческий путь писателя; п. 9 – индивидуально-писательское и типологическое выражение жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации Ю.А. Орловой, отличаются **новизной, достоверностью, обоснованностью** и могут быть использованы в разработке вузовских лекционных курсов по русской литературе первой половины XX века.

Автореферат и 12 публикаций по теме работы, из них 4 в изданиях, рекомендованных ВАК, отражают основные положения диссертации.

Диссертационное исследование Ю.А. Орловой «Историософская повесть М.А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды» представляет собой самостоятельное и завершенное исследование, отвечает критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а ее автор Юлиана Анатольевна Орлова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент

кандидат филологических наук

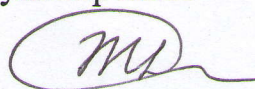
(специальность 10.01.01 – русская литература),

доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

ФГБОУ ВПО

«Саратовский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского

Дронова Татьяна Ивановна

Адрес организации: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Тел. 8 9271037993

e-mail: tida52@mail.ru

Татьяна Ивановна Дронова Т.И.
Ученый секретарь
Пректорского института
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Татьяна

